

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 195–203

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 195–203

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-195-203>, EDN: ORGQQD

Научная статья

УДК 66.1(2)6.323.1

«Украинский вопрос» и российская государственность в идейно-политическом дискурсе русской послеоктябрьской эмиграции

Н. А. Омельченко

Государственный университет управления Россия, Россия, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Омельченко Николай Алексеевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий, nik_omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5872-6432>

Аннотация. В статье рассмотрены взгляды на «украинский вопрос» и основы российской государственности видных представителей русской послеоктябрьской эмиграции 1920–1930-х гг. Представлены аргументы, обосновывающие сложность украинской проблемы и «украинского вопроса», активно обсуждавшихся русской общественной мыслью с середины XIX в., задолго до событий 1917 г. Показано, что «украинский вопрос», сопровождавшийся острыми спорами о реальных и мнимых корнях «украинской идентичности», общерусской культуре и проблеме украинского сепаратизма, украинском языке, был одним из активно обсуждаемых вопросов в русском послеоктябрьском зарубежье. Рассмотрен феномен «украинства», представлявшего собой, по мнению эмигрантских авторов, идеологию украинского сепаратизма, способ самоутверждения и антирусский проект, основанный на убеждении об особом украинском народе, имеющем мало общего с русским народом. Проведен сравнительный анализ различных трактовок в среде русского зарубежья причин и последствий насильственной «украинизации» на территории Украины после создания УССР, возможных путей решения проблемы русско-украинских отношений. Установлено, что большинство эмигрантских авторов, отмечая историческое и культурное единство русского и украинского народов, предупреждали об опасности украинского сепаратизма, насаждения конструируемой «украинизаторами» «украинской культуры», что было бы губительно, прежде всего для Украины и украинской культуры.

Ключевые слова: основы российской государственности, «украинский вопрос», украинская идентичность, украинский сепаратизм, «украинство», русское послеоктябрьское зарубежье

Для цитирования: Омельченко Н. А. «Украинский вопрос» и российская государственность в идейно-политическом дискурсе русской послеоктябрьской эмиграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 195–203. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-195-203>, EDN: ORGQQD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The “Ukrainian question” and Russian statehood in the ideological and political discourse of Russian post-October emigration

N. A. Omelchenko

State University of Management, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow 109542, Russia

Nikolay A. Omelchenko, nik_omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5872-6432>

Abstract. The article examines the views on the “Ukrainian question” and the foundations of Russian statehood among prominent representatives of the Russian post-October emigration of the 1920–1930s. Arguments are presented to substantiate the complexity of the Ukrainian problem and the “Ukrainian question,” which had been actively discussed by Russian public opinion since the mid-19th century, long before the events of 1917. It is shown that the “Ukrainian question,” accompanied by heated debates about the real and imaginary roots of Ukrainian identity, pan-Russian culture and the problem of Ukrainian separatism, the Ukrainian language and, was one of the most actively discussed issues in the Russian post-October émigré community. The phenomenon of “Ukrainianism” is examined, which, according to émigré authors, represented an ideology of Ukrainian separatism, a means of self-affirmation, and an anti-Russian project based on the belief in a distinct Ukrainian people who had little in common with the Russian people. A comparative analysis was conducted of various interpretations within the Russian diaspora of the causes and consequences of forced “Ukrainization” in Ukraine after the creation of the Ukrainian SSR, as well as possible solutions to the problem of Russian-Ukrainian relations. It was established that most émigré authors, while noting the historical and cultural unity of the Russian and Ukrainian peoples, warned of the dangers of Ukrainian separatism and the imposition of a “Ukrainian culture” constructed by “Ukrainizers,” which would be detrimental, first and foremost, to Ukraine and Ukrainian culture.

Keywords: foundations of Russian statehood, “Ukrainian question”, all-Russian culture, Ukrainian identity, Ukrainian separatism, “Ukrainianism”, Russian post-October abroad

For citation: Omelchenko N. A. The “Ukrainian question” and Russian statehood in the ideological and political discourse of Russian post-October emigration. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 195–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-195-203>, EDN: ORGQQD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Следует отметить, что заявленная нами тема исследования привлекает в последние годы на фоне российско-украинского кризиса повышенное внимание отечественных и зарубежных ученых, что нашло свое отражение в появлении ряда научных публикаций, посвященных в том числе осмыслению идейно-политического дискурса по рассматриваемой проблеме в среде русского послеоктябрьского изгнания [1–3].

По мнению большинства исследователей, истоки этого дискурса следует отнести к середине XIX в. и, в частности, ко времени создания в Киеве Кирилло-Мефодиевского общества, положившего начало общественному явлению, которое принято называть «украинством» (или «украинизмом» и «украинофильством»). Представляя собой своеобразный способ самоутверждения и культурно-политическую идеологию украинской интеллигенции, «украинство» строилось на убеждении об особом, отличающемся от русских украинском народе, которому необходим был собственный язык, своя культура и отдельная украинская государственность. Важная роль в утверждении этой идеологии принадлежала историку, этнографу и одному из основателей Кирилло-Мефодиевского общества Н. И. Костомарову, утверждавшему в статье «Две русские народности» о наличии в Древней Руси особой «южнорусской народности», которая, как считал автор, выгодно отличалась от великороссов своим природным свободолюбием, приверженностью к демократизму и идее федерации, терпимостью к другим народам и религиям. Другой важной составляющей идеологии «украинства» являлось требование создания на основе малороссийского наречия русского языка особого украинского языка, что, кроме прочего, в значительной мере, по мнению исследователей, стимулировалось антирусской пропагандой австрийских и германских властей [4].

В русской общественной мысли второй половины XIX в. эти идеи встретили критику как со стороны представителей славянофильского учения, так и со стороны консерваторов-государственников. Об украинстве и последствиях его идеологии и практики для российской

государственности писали И. С. Аксаков, В. И. Ламанский, М. Н. Катков, В. А. Мясотин, В. В. Розанов, Д. В. Скрынченко, Л. А. Тихомиров и другие общественные деятели и мыслители. И если для одних из них была очевидной нелепость рассуждений о двух русских народностях и двух русских языках как глупо было бы утверждать «о наличии двух французских народностей и двух французских языков», и, наоборот, считалась бесспорной объединяющая роль, которую играл в различных странах общий государственный и литературный язык (М. Н. Катков [5, с. 13–14]), то другие обращали внимание на историческое и культурное единство народов Малороссии и Великороссии, составлявших вместе с белорусами «один Русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений» (В. И. Ламанский [6, с. 47]), указывали на объективную несостоятельность термина «Украина», применяемого украинскими националистами к территориям Российской империи, традиционно называвшимся «Малороссией» (Д. В. Скрынченко [7]), отмечали, ссылаясь на мнение природных малороссов, факт «надуманности» «нового украинского языка» («мовы»), который был непонятен большинству младороссов и был придуман, чтобы разъединить русских людей, расколов их на враждующие друг с другом части (В. В. Розанов [8, с. 283]).

В начале XX в. споры по украинскому вопросу получили новый импульс в условиях тогдашней международной обстановки и Первой мировой войны. Примером может служить состоявшаяся в 1912 г. полемика между историком В. А. Мясотиным, большим знатоком украинской истории, предлагавшим в статье «“Украинство” и русская интеллигенция» делать различие между понятиями «великорусский язык» (как язык русского народа) и «общерусский» язык (как политическое понятие) [9, с. 162], и русским философом и политическим деятелем П. Б. Струве, занимавшим наиболее радикальную позицию в борьбе с украинским сепаратизмом и считавшим, что «государственная обособленность Галиции от общерусской

культуры стала источником украинской культурной политики, возводившей местную культуру в ранг национальной» [10].

П. Б. Струве одним из первых рассмотрел в «украинстве» «огромную культурную проблему», которая, по его словам, была чревата, «если интеллигентская “украинская” мысль ударит в народную почву и зажжет ее своим “украинством” – величайшим и неслыханным расколом в русской нации», который станет подлинным государственным и народным бедствием [10]. И тогда, писал Струве, «все наши “украинные” вопросы окажутся совершенными пустяками в сравнении с перспективой “раздвоения” и – если за “малороссами” потянутся и “белоруссы” – “растроения” русской культуры». Политик призывал русское прогрессивное общественное мнение (являвшееся, по его словам, «по традиции украинофильским»), «энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек, вступить в идейную борьбу с “украинством”, как с тенденцией ослабить и отчасти даже упразднить великое приобретение нашей истории – общерусскую культуру» [10]. Позицию Струве в украинском вопросе поддержал Н. А. Бердяев, рассматривающий «украинофильство» как своего рода провинциализм, который не может и не должен нарушать единства общерусской культуры, хотя и упрекал политика Струве в преувеличении им украинской опасности [11].

Украинский вопрос, поднятый русской общественной мыслью задолго до событий 1917 г. и сопровождавшийся острыми спорами о реальных и мнимых корнях «украинской идентичности», общерусской культуре и украинском сепаратизме, был одним из активно обсуждаемых в русском послеоктябрьском зарубежье, представители которого внимательно следили за происходившими на их родине, в Советской России, политическими процессами.

Проблема «украинства» являлась одной из центральных тем в эмигрантских публикациях П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, П. Н. Милюкова, В. А. Мякотина, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. М. Бицилли, Г. В. Вернадского и других известных в русском зарубежье интеллектуалов и политических деятелей. Важно отметить, что многие из эмигрантских авторов либо по своему происхождению, либо по своей прошлой жизни и роду деятельности были тесно связаны с Украиной, не порывали этих связей и сохранили

самые теплые чувства о ее истории и культуре: Н. А. Бердяев («русский киевлянин»), неизменно называвший себя «русским писателем», родился и провел свои студенческие годы в Киеве; к старинному малороссийскому дворянскому роду принадлежал П. Н. Савицкий, чье детство и юность прошли в Чернигове; род князя Н. С. Трубецкого, по свидетельству Г. В. Вернадского, «ведущий себя от Гедимина, утвердился первоначально в Западной Руси и уже впоследствии перешёл в Москву» [12, с. 72], а род самого Г. В. Вернадского, выдающегося историка русской эмиграции происходил из Запорожья. Отмеченная особенность нередко приводила к ошибочным (свойственным в том числе современным публикациям) выводам, согласно которым украинское происхождение обусловило изначальную противоречивость в оценках украинской проблемы и даже «ангажированность» ряда пишущих об Украине эмигрантских авторов [13, с. 806–807]. Однако внимательный, непредвзятый анализ произведений эмигрантских авторов, посвященных украинскому вопросу, говорит об обратном.

Украинский вопрос был в центре внимания русского «евразийства», основатели и идеологи которого видели будущее России в возрождении единого русского («российского») государства и считали Украину (в их привычном употреблении, Малороссию) органической частью России-Евразии, западными границами которой предлагалось считать западные рубежи созданного большевиками Советского союзного государства (СССР), или, говоря словами евразийских авторов, «черноморско-балтийскую перемышку», представлявшую собой наиболее узкую область материка между Черным и Балтийским морями [14].

Наиболее последовательно эту точку зрения проводил талантливый географ и один из ведущих теоретиков евразийства П. Н. Савицкий, доказывавший, что «приблизительное определение» Евразии и Европы «как особых исторических миров» следует вести со времен нашествия монголов, подчинивших большинство восточных и южных земель Древнерусского государства, и возникновения в XVI в. польско-литовского государства (Речи Посполитой), в подчинении которого оказались сначала западные, а затем и южные русские земли. Именно тогда, по мнению П. Н. Савицкого,

намечается та историческая граница, которая разделила Россию и Европу на два принципиально противоположных мира, основу одного из которых составлял сложный вековой синтез византийского и монгольского (ордынского) наследия, глубокого переработанного и усиленного «началом русскости», в основе другого лежало латинское начало.

Последовательно отстаивая самобытность российской государственности, истоки которой лежали в золотоордынском наследии, неизменно подчеркивая идею единства России-Евразии, что, к слову, не раз побуждало оппонентов и критиков евразийства искать в нем «имперское измерение» [13, с. 808], евразийцы уже тогда предупреждали о неизбежной идеологической и военно-политической экспансии Запада, одновременно обращая внимание на опасность начавшегося после большевистской революции и создания Украинской ССР (Украинской Советской Социалистической Республики) процесса насильственной украинизации на территории Украины, насаждения конструируемой «украинизаторами» «украинской культуры».

О последствиях этой политики пророчески писал в опубликованной на страницах «Евразийского временника» в 1927 г. резонансной статье «К украинской проблеме» один из основателей евразийства, блестящий лингвист, этнограф и историк князь Н. С. Трубецкой. По мнению автора, единая русская культура после реформ Петра была ни специфически великорусской, ни специфически украинской, а общерусской. Западно-русская же редакция русской культуры сложилась в эпоху, когда Украина была провинцией Польши, Польша в свою очередь являлась в культурном отношении провинцией (притом глухой провинцией) романо-германской Европы. Поэтому в случае если на территории Украины, по мнению Трубецкого, восторжествует желание насильственно заменить общерусскую культуру сконструированной «новой украинской» культурой, не имеющей ничего общего с прежней общерусской культурой, реализация этого замысла станет делом узких и фанатичных краевых шовинистов, которые неизбежно наложат на новую украинскую культуру печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, графаретности, мракобесия и, сверх того, дух постоянной подозритель-

ности, вечного страха перед конкуренцией. Они «постараются всячески стеснить или вовсе упразднить саму возможность свободного выбора между общерусской и украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой» [4]. Однако «этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попрания собственных национальных святынь» [4].

По мнению Трубецкого, оказавшиеся у власти большевики лишь многократно усилили позиции «украинизаторов», что было обусловлено, во-первых, конъюнктурным характером «интернациональной» политики большевиков, потворствующих, по мнению Трубецкого, культурному сепаратизму с целью преодоления сепаратизма политического, во-вторых, фактом устранения от культурной работы значительного числа квалифицированной украинской интеллигенции, которая была вытеснена галицийской интеллигенцией, на национальное самосознание которой, по словам автора, оказало огромное влияние многовековое польское рабство и насаждение католицизма. Однако основную причину увлечения украинизацией, считал автор, следует искать в том, что новая власть, исходя из своих конъюнктурных политических целей, предоставила полную свободу действий ранее загнанным в подполье воинствующим «украиноманам», которые превратили украинизацию в самоцель, бездумно растрачивая национальные силы [4].

Точка зрения Н. С. Трубецкого на проблему «украинства» нашла поддержку крупного евразийского историка Г. В. Вернадского в том числе в его неопубликованной статье 1938 г. под характерным названием «Князь Трубецкой и украинский вопрос» (статья впервые появилась в печати в 2015 г. благодаря профессионализму и научной самоотверженности современного петербургского историка А. Ю. Дворниченко). В статье ученый указывал на неоднозначность украинского вопроса, который, по его мнению, всегда являлся

«одним из самых сложных и болезненных вопросов в истории русского самопознания» [12, с. 71]. Именно поэтому правильное решение этого вопроса, по мысли Вернадского, несовместимо ни с крайностями украинского сепаратизма, ни с рецидивами русского унитаризма.

Важно не только то, писал Г. В. Вернадский, что «русский и украинский народы исходят из одного корня», не менее важным является прошедший русскими и украинцами общий исторический путь, позволивший им в тесном сотрудничестве создать «великое государство, великий союз народов, Россию-Евразию, самодовлеющий материк» [12, с. 71]. Можно, конечно, «механически отрезать от этого материка Украину в географическом смысле в границах нынешней Украинской Советской республики, как того хотят крайние самостийники, но это было бы губительно, прежде всего для Украины и украинской культуры; было бы искусственным ограничением деятельности украинского народа. Украинский народ был бы этим загнан в узкие провинциальные рамки, тогда как исторически пред ним, как и пред народом русским, открыта вся Евразия» [12, с. 71–72]. Обращая внимание на всю сложность украинского вопроса в контексте ухудшения в годы мировой войны международного положения украинцев, что привело к отторжению Западной Украины, поделенной между Польшей, Румынией и Чехословакией, а впоследствии и Венгрией, от основной территории Украины, Вернадский призывал не забывать «общих украинско-русских культурных основ», о которых говорил Трубецкой. Украинцам, напоминал он, «следует помнить, что “русский” язык есть в историческом смысле украинско-русский язык, так же, как русская культура есть украинско-русская культура» и если «крайний самостийник» отвергает русский язык «на том основании, что это язык “кацапский” или “москальский”», он тем самым «отрицается от собственного культурного наследия» [12, с. 75].

Оригинальную трактовку украинского вопроса мы находим в публикациях другого представителя русского послеоктябрьского зарубежья талантливого историка культуры, филолога и оригинального мыслителя П. М. Бицилли, в первую очередь в его интересной брошюре «Проблема русско-украинских отношений в свете истории» [15]. Важно

отметить, что написанная, как считается, в ответ на упоминаемую выше статью идеолога евразийского движения князя Н. С. Трубецкого «К украинской проблеме», открывшую научную полемику в русском зарубежье, брошюра Бицилли в определенном смысле развивала выводы ученого, сформулированные им в целом ряде более ранних эмигрантских научных публикаций второй половины 1920-х гг. по вопросам нации и национальных отношений, в которых мыслитель определял нацию не столько этнической [13], сколько культурной и духовной общностью, в известной степени солидаризируясь здесь с мнением П. Б. Струве, акцентировавшим внимание, как известно, на культурной составляющей украинской проблемы.

Обращаясь как к русским, так и к трезво мыслящим украинцам, еще способным, по его мнению, сговориться друг с другом, автор брошюры обращал внимание на главный парадокс длившегося десятилетия спора между сторонами, каждая из которых по-своему трактовала общую для русских и украинцев древнюю историю, делая из нее необходимые для той или другой стороны выводы. Если русские строили свои доводы, указывая на тот очевидный факт, что изначально Украину называли Русью, а проживающих на ее территории народов русскими, то для украинцев ранний период в русской истории в действительности был, по терминологии украинского историка, лидера украинского национального движения профессора М. С. Грушевского, историей «Украины-Руси», ничего общего не имевшей с Московским периодом [15, с. 5].

Полемизируя с этими взглядами, Бицилли подвергает обстоятельной критике попытки объяснить настоящее и особенно будущее, апеллируя к древнему историческому прошлому, которые, по его мнению, являются в принципе несостоятельными. Автор приводит ряд исторических примеров, когда внутренние, в том числе территориальные, проблемы были в стародавние времена решены несправедливо в той или иной стране, тем не менее, никому в этих странах не приходит в голову мысль о пересмотре границ в свое время возникших и веками существовавших государств (одним из таких примеров, по замечанию Бицилли, может служить история с завоеванием в 1223 г. франкским государством территории Тулуз-

ского графства, имевшего и свою богатую историю, и самобытную культуру, что, тем не менее, не заставляет никого во Франции требовать отделения бывшей территории Тулузского графства) [15, с. 6].

То же самое, по мнению Бицилли, можно сказать и об использовании в спорах об «украинской идентичности» так называемых филологических аргументов. Указывая на условность различия между «языком» и «диалектом», автор обращает внимание на ряд исторических примеров, когда тот или иной диалект становился языком того или иного народа (в качестве примера приводится голландский язык), создавшего свою государственность и свою самобытную культуру. Бицилли допускает близость русского литературного языка и украинского языка и его искренне удивляет позиция «украинизаторов», которым «непременно хочется, чтобы русский литературный язык был непонятен для интеллигентного украинца. Если факты – против этого, тем хуже для фактов! «Хороший» украинец должен притворяться, будто он не понимает «российского» языка» [15, с. 7]. Смешным, по мнению автора, является сам факт боязни сходства языков, ибо само по себе такое сходство не может мешать самостоятельности государств, о чем свидетельствуют многочисленные примеры мировой истории. «Болгарин без всякого труда понимает русские книги, а русский – болгарские. Французу незачем учиться итальянскому языку для того, чтобы читать в подлиннике Петрарку. Однако, это не создает никакой угрозы самостоятельному существованию Италии и Болгарии или России и Франции» [15, с. 7].

Другой слабой стороной «украинизаторов, по наблюдению Бицилли, является их паническая боязнь предоставления украинскому народу свободно высказаться по вопросам национально-государственного самоопределения Украины, школьного языка и другим важным для национального самосознания украинцев вопросам. Чтобы оправдать свою позицию, боясь, что выбор значительной части населения Украины будет в этом случае не в их пользу, они, по словам автора, ссылаются на то что «вековое политическое и культурное господство “Москвы” убило в украинском народе сознание своей особенности и волю к национальному самоопределению» [15, с. 12].

Отмечая несостоятельность подобного объяснения, автор ссылается на исторический пример с польским народом, сумевшим сохранить национальное самосознание в самый драматический период, связанный с разделами Польши во второй половине XVIII в., приведшими, по сути, к ликвидации польской государственности. Этот пример, считает Бицилли, может свидетельствовать об устойчивости польского национального организма, проявившего, несмотря ни на что, способность к возрождению национальной жизни [15, с. 11–12].

Автор брошюры «Проблема русско-украинских отношений в свете истории» не отрицал важности самой проблемы украинского возрождения, которую, по его словам, безусловно, нельзя игнорировать, но ее «надо правильно поставить» [15, с. 13–14]. По мнению Бицилли, объективно народ «Украины», как с точки зрения его исторического развития, так и с точки зрения языка, расовой принадлежности гораздо ближе к русскому (великорусскому) народу, чем, например, к народам Кавказа и «лимитрофов». Однако это, по мнению автора, еще ни о чем не говорит. «Расовое, культурное, языковое, историческое сродство – суть условия близости, но не доказательство ее. Близость одного народа к другому – факт психологический. Она переживается, или ее нет» [15, с. 17–18]. Очень часто, по замечанию Бицилли, отталкивания характерны для людей и коллективов, объективно наиболее близкими [15, с. 18]. Процесс формирования наций многогранен и не сводится только к общему языку, который в любом государстве играет определяющую роль в образовании нации и национальной культуры. Не менее важное значение принадлежит особенностям географических условий, экономических связей, вероисповеданию, оказывающим огромное влияние на существование и развитие наций и национальной жизни [15, с. 15].

Ученый призывал не придавать особого значения тому, что на уровне бытового сознания великоросс может называть малоросса «холодом», а малоросс великоросса «кацапом» или «москалем», и «тому подобным мелочам», равно как и существующему антагонизму между Севером и Югом в России (он присущ и Германии, и Франции, и Италии, и Испании, и Американской Республике). И то, что украинизаторы «привычно пытаются сослаться на этот факт и на нем

строить свои предположения, может означать либо то, что большинство из них не знакомо с историей, либо обманывает самих себя, либо обманывает других» [15, с. 18].

Не оставался в стороне от происходивших в эмиграции споров по «украинскому вопросу» выдающийся русский философ Н. О. Лосский. В опубликованной в 1958 г. в журнале «Грани» (Франкфурт-на-Майне) статье «Украинский и белорусский сепаратизм» ученый с горечью писал о рецидивах украинского национализма среди украинских эмигрантов, занимающих открыто сепаратистские позиции и вынашивающих надежды на обособление Украины от России, превращение ее в самостоятельное государство. Говоря об отрицательном отношении украинских сепаратистов к названию «Малороссия», Лосский считает нужным напомнить о том, что, во-первых, сами по себе слова «малоросс», «белорус», «великоросс» по определению призваны подчеркнуть единство этих трех ветвей русского народа, во-вторых, название «Малороссия» своим появлением обязано не России, а Византии, было введено в оборот греками (по аналогии с названиями «Малая Эллада» и «Большая Эллада») для обозначения Галицко-Волынской Руси, а впоследствии и всей Юго-Западной Руси [16, с. 446].

В отдельном разговоре нуждаются взгляды на рассматриваемую проблему лидера русского либерализма П. Н. Милюкова, являвшегося одним из авторитетных специалистов по национальному вопросу. Наиболее полно позиция Милюкова по указанным проблемам была изложена в вышедшей в Праге в 1925 г. обстоятельной работе «Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России)», в которой, наряду с подробным (часто излишне «академическим») анализом понятия и признаков национальности и национального языка, особенностей процесса формирования наций в Европе, дореволюционной и советской России, значительное место отводилось анализу национальных движений на территории бывшей Российской империи и политике большевиков по решению национального вопроса после их прихода к власти [17].

Украинский вопрос в брошюре Милюкова затрагивается большей частью мимоходом в контексте общей концепции автора по проблемам наций и национальных отношений. В частности, в разделе «Национальные движе-

ния на территории бывшей Российской империи», рассматривая специфику формирования и развития национального самосознания различных народов России и отмечая положительное влияние русской государственности на местное национальное развитие народов Грузии и Армении [17, с. 156–157], а также народов «прибалтийских провинций» [17, с. 155], Милюков обращает внимание на характер украинского национального движения, развивавшегося, с его точки зрения, в тесной связи с русской интеллигенцией. На эти особенности, по словам Милюкова, очень точно указывал известный украинский ученый и общественный деятель М. П. Драгоманов. Милюков приводит слова Драгоманова, напоминавшего в ответ на обвинение всех старых украинских писателей в «сервильизме» перед Москвой, что украинскую идею защищали Капнист, Рылеев и Пушкин и что новые европейские идеи демократизма и либерализма впервые появились на Украине не в украинской одежде и не на украинском языке, а на русском [17, с. 160].

Отношение Милюкова к национальной политике оказавшихся у власти большевиков было противоречивым. Как идеолог российского либерализма, Милюков подвергает критике насильственные методы, используемые большевистским руководством по централизации страны, считает, что большевики игнорируют специфику национальной культуры входящих в состав России различных народностей, равно как и формировавшиеся веками традиции местного самоуправления, что усиливает опасность межнациональных конфликтов в стране. Автор приходит к неутешительному выводу, что национальные вопросы при советской власти не только не разрешены, но еще больше запутаны [17, с. 155]. В то же время, будучи сторонником сохранения единой российской государственности и сильной власти в России, считая неприемлемым для огромной страны принцип федеративного устройства государства, способный, по его мнению, привести лишь к его раздроблению, Милюков, позиционировавший себя последовательным «антибольшевиком», в отличие от многих противников большевизма в эмиграции, увидел в действиях новой власти желание восстановить российскую государственность в границах Российской империи. Что касается объявленного Лениным права наций на самоопределение вплоть до отделе-

ния и создания самостоятельных государств (которое, по язвительному замечанию Милюкова, сразу использовала Германия, отделив от России прибалтийские государства, а затем и Финляндию, Украину и Закавказье), то это право, по мнению Милюкова, было выдвинуто из сугубо прагматических соображений, чтобы преодолеть недоверие рабочих масс порабощенных стран и сблизить пролетариев и полупролетариев различных национальностей в интересах общей революционной борьбы. В действительности, отмечает автор со ссылкой на официальные документы советской власти, сами большевики рассматривали его лишь как потенциальное право, видя в федеративном соединении организованных по советскому типу государств «одну из переходных ступеней», которые должны привести к полному единству [17, с. 185–186].

Обобщая сказанное выше, можно утверждать, что украинский вопрос, споры вокруг которого велись в среде русской интеллигенции с середины XIX в., занимал важное место в российском послеоктябрьском зарубежье. Наиболее дальновидные его представители, указывая на общую многовековую историю русского и украинского народов, их культурную, этническую и языковую близость, отмечали в то же время опасность рецидивов украинского сепаратизма, настойчиво продвигавшего идеологему об особом – в отличие от русского – украинском народе, и уже тогда предсказывали возможные негативные последствия недооценки этой опасности. Утверждения украинских сепаратистов об обособленности Украины от России подвергались критике со стороны эмигрантских авторов, во-первых, с точки зрения этнографической (о якобы издревле существовавшем особом украинском народе), во-вторых, с точки зрения филологической (о самостоятельности украинского языка, тоже славянского, но не русского происхождения), в-третьих, с точки зрения хронологии и особенностей географического развития России и Украины (сознательном переселении идеологами «украинства» позднейших исторических событий, понятий, имен в предыдущие века, а также произвольном распространении имени Украины на соседние земли – пространство степей, «дикого поля», доходившего до Черного моря и именовавшееся со времен Екатерины II «Новороссией»).

Большинство эмигрантских авторов были убеждены в надуманности и ложности установок на искусственную замену общерусской культуры изобретенной «украинизаторами» «новой украинской» культурой, указывали на недопустимость начавшейся с приходом к власти большевиков и созданием Украинской Советской Социалистической Республики насильственной украинизации на территории Украины.

Список литературы

1. Васильева М. А. Русско-украинские отношения в исторической концепции П. М. Бицилли // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2020. Т. 3, № 4. С. 133–145. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-133-145>
2. Даренский В. Ю. Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П. М. Бицилли // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13, № 4. С. 34–42. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-4-34-42>
3. Малинов А. В. Национальный вопрос в русской эмигрантской философской мысли // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2008. № 2. С. 36–42. EDN: IUDRXN
4. Трубецкой Н. С. К Украинской проблеме // *Евразийский временник*. Кн. 5. Париж, 1927. С. 165–184 <https://www.sedmitza.ru/text/444003.html> (дата обращения: 02.01.2026).
5. Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. 800 с.
6. Ламанский В. И. Национальная бестактность // *Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. С. 37–57.*
7. Скрынченко Д. В. «Украинские» подлоги // *Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. С. 302–331.*
8. Розанов В.В. Голос малоросса о немалороссах // *Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. С. 280–285.*
9. Мартин-Иогансон Э. Россия и Украина. К историографии украинского вопроса // *Свободная мысль*. 2020. № 3. С. 159–174.
10. Струве П. Б. Общественная культура и украинский партикуляризм // *Русская мысль*. 1912. № 1. С. 65–86. URL: http://az.lib.ru/s/struwe_p_b/text_1912_obsherussskaya_kultuta-i_ukrainskiy_partikulyarizm.shtml (дата обращения: 02.01.2026).

11. Бердяев Н. О дарящих и отнимающих (К спору о национальном вопросе) // Биржевые ведомости. 1915. 11 марта. № 14720. http://w.krotov.info/library/02_b/berdyayev/Berdyayev_1915_03_11_O_daryaschuh_F.htm (дата обращения: 03.01.2026).
12. Дворниченко А. Ю. Г. В. Вернадский об Украине и украинском вопросе (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Князь Трубецкой и украинский вопрос») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2015. Вып. 2. С. 57–79.
13. Дворниченко А. Ю. Новые приключения историка Георгия Вернадского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2019. Т. 64, вып. 2. С. 795–812. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.220>
14. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 461 с. (Новая история). URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/282079-86-petr-savitskiy-kontinent-evraziya.html#book> (дата обращения: 03.01.2026).
15. Бицilli П. М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага : Единство, 1930. 38 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/bitsilli_problema_russko-ukrainskikh_otnosheny_v_svete_istorii_1930.pdf (дата обращения: 03.01.2026).
16. Лосский Н. О. Украинский и белорусский сепаратизм // Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. С. 445–452
17. Милюков П. Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). Praha : Swobodnja Rossija, 1925. 192 с. (Библиотека издательства «Свободная Россия»).

Поступила в редакцию 05.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 05.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 20.02.2026